

Выбор пути Суда ЕврАзЭС: правовые позиции и защита прав

Татьяна Нешатаева*

Суд Евразийского экономического сообщества (первый наднациональный суд в Евразии) начал свою работу в январе 2012 года. Автор данной статьи рассуждает об особенностях функционирования и результатах деятельности Суда ЕврАзЭС, приводит ключевые примеры из судебной практики органа, анализирует специфику правового регулирования интеграционных отношений в рамках ЕврАзЭС.

→ Суд ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство, Таможенный союз, наднациональные органы, Евразийская экономическая комиссия, судебное толкование международно-правовых норм

Функции Суда

В Евразии впервые создан наднациональный суд — Суд Евразийского союза, получивший в настоящее время название Суд ЕврАзЭС, Суд Сообщества. Учредительными документами Суда являются Статут Суда Евразийского экономического сообщества от 5 июля 2010 года (*далее* — Статут) и Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года (*далее* — Договор).

На территории государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства (*далее* — ТС и ЕЭП) в настоящее время созданы и другие наднациональные органы: высший орган — Высший экономический совет (на уровне глав государств и на уровне глав правительств), исполнительный орган — Евразийская экономическая комиссия (*далее* — ЕЭК) и орган парламентского сотрудничества — Межпарламентская ассамблея, что свидетельствует о создании

особого международного метода управления экономикой трех государств — Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, заключающегося в передаче ряда функций государственной власти международным органам и оттого получившего доктринальное название «наднационализм». Общее развитие экономик приводит к тому, что национальные правовые системы уже не справляются с эффективным регулированием общественных отношений (пример — отток капитала из России: какие бы запреты ни вводились в национальном праве, предпринимательский капитал оказывается в банках Кипра). При наднационализме главным методом правового регулирования становится наднациональный метод регулирования общественных отношений, реализуемый, в первую очередь, в международно-правовых нормах. С появлением общих наднациональных правил, обязательных к прямому применению в государствах-членах, возникает необходимость в суде, который контролирует их

* Нешатаева Татьяна Николаевна — профессор, доктор юридических наук, судья Суда Евразийского Экономического Сообщества (e-mail: neshataeva@sudevrazes.org). Мнение, изложенное в данной статье, является личным и никаким образом не отражает позицию Суда Евразийского Экономического Сообщества.

выполнение. С помощью судебной власти возникает четкая наднациональная система: международный суд контролирует соблюдение международных договоров и иных международных актов с целью их соблюдения наднациональными органами и национальными участниками отношений. Например, система Евросоюза построена именно по такому принципу: определенные аспекты регулирования экономических отношений передаются на уровень общего международного регулирования — создается общее право, за тем, как применяются интеграционные правила права Евросоюза, следит международный суд: парламент ЕС находится в Страсбурге, правительство (Комиссия) — в Брюсселе, а суд — в Люксембурге.

Суд ЕвРАЗЭС, новый суд, созданный в г. Минске, — наднациональный суд, задача которого следить, чтобы в тех нормах, которые появляются в национальном и наднациональном праве, создаваемом Парламентом, Советом и Комиссией ЕЭП, не искажались цели интеграции и не нарушались основные права хозяйствующих субъектов. Основные правила создаются в наднациональном органе — Евразийской экономической комиссии. Наднациональный орган также состоит из людей, которые могут ошибиться, что приводит к отступлению от задач и целей интеграции. В нашем случае такой целью выступает создание объединенной экономики. Суд ЕвРАЗЭС — охранитель этой идеи, и он может осуществлять свою функцию только одним способом: Суд должен четко видеть, что сказано в Договоре об объединении и что получилось в конкретной норме, разработанной международной бюрократией. И обязательно между нормами появятся зазоры, то есть такие формулировки, которые не позволяют рассматривать вопрос однозначно, как было задумано основателями ЕЭП, имеющими намерение создать наднациональную структуру в целях регулирования интеграционных отношений. Наднациональные суды и формируются для единообразного толкования общих норм права, решающих поставленную задачу нормотворчески, прецедентно: точечным образом, создавая нормы права, которые скрепляют все три вида правового регулирования ин-

теграционных отношений: международный договор, норму, изданную международной бюрократией, и норму, принятую национальными властями, в том числе национальными судами. Задача Суда — скрепить эти акты таким образом, чтобы ни в коем случае цель и задача — создание объединенной экономики — не была нарушена и выхолощена.

Автору ранее уже приходилось высказываться о дорожной карте евразийской интеграции¹ с учетом того обстоятельства, что первоначально Суд был создан как суд Сообщества ЕвРАЗЭС и был призван выполнять двойственную задачу: быть межгосударственным судом для государств — членов ЕвРАЗЭС (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан) и решать наднациональные споры в рамках ТС (Беларусь, Казахстан, Россия). Можно констатировать, что как суд Сообщества Суд ЕвРАЗЭС не состоялся: он функционирует только как суд ТС и ЕЭП. На сегодняшний момент задачи Суда ограничены лишь делами ТС и ЕЭП, так как межгосударственная часть Суда так и не была сформирована: Кыргызстан не назначил судей, а Таджикистан не ратифицировал Договор о Статуте Суда ни к моменту его вступления в силу, ни к моменту написания настоящей статьи.

Возможно, подобная ситуация сложилась в связи с тем, что контуры будущего наднационального экономического объединения получили политические очертания на 35-м заседании Межгоссовета ЕвРАЗЭС на уровне глав государств 19 декабря 2012 года, в ходе которого было объявлено, что ЕвРАЗЭС выполнило все поставленные перед ним задачи: «заработал ТС, запущено ЕЭП, создана ЕЭК, которой переданы функции Комиссии Таможенного союза (*далее* — КТС) по дальнейшей экономической интеграции»². В связи с этим происходит постепенная реорганизация ЕвРАЗЭС, оптимизация его структур с целью создания Евразийского союза.

В таком контексте востребованной оказалась та часть документов о статусе Суда, которая касается споров о решениях КТС и ЕЭК. Все эти документы носят наднациональный характер, то есть обязательны для исполнения органами и лицами на террито-

¹ *Нешатаева Т.Н.* Евразийский суд: назад в будущее // Закон. 2012. № 9. С. 152–162.

² URL: <http://www.evrazes.com/news/view/914>.

рии всех государств-членов. Таким образом, в настоящее время Суд функционирует как суд Евразийского союза и Единого экономического пространства, но носит название Суд ЕврАзЭС.

При этом основная компетенция Суда, определённая в главе 2 Статута Суда Евразийского экономического сообщества от 5 июля 2010 года (*далее* — Статут Суда), состоит в обеспечении единообразного применения международных договоров, действующих в рамках Сообщества, и соответствия актов, действующих в рамках ТС и ЕЭП, этим международным договорам. Единообразие, как известно, обеспечивается судебными прецедентами. Иными словами, Суд призван, с одной стороны, содействовать экономической интеграции Сообщества путем прецедентного регулирования конфликтных, а, следовательно, ключевых моментов объединительного процесса, а с другой — осуществлять защиту прав и законных интересов граждан, действующих в сфере предпринимательской деятельности на территории государств-членов в условиях противоречивого правового регулирования. Решение двуединой задачи в ходе судебной деятельности приводит не столько к закреплению в судебных решениях сложившегося общественного порядка, но, скорее, к целенаправленному изменению, преобразованию, развитию правопорядка Сообщества ради достижения тех целей, что были заявлены в основополагающих договорах о евразийской интеграции: свободное движение капитала, услуг, рабочей силы; проведение согласованной макроэкономической политики, гармонизация и унификация национального законодательства в экономической сфере.

Соответственно, для решения названных задач юрисдикция Суда включает несколько групп полномочий:

- разрешение межгосударственных споров, связанных с правоотношениями, возникающими на основании норм учредительных договоров и иных актов органов ЕЭП;
- разрешение споров хозяйствующих субъектов и органов экономического союза (сегодня ЕЭК) — юрисдикция, возникающая

на основе норм договоров и иных актов. Согласно Договору об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним от 9 декабря 2010 года Суд Сообщества обязан защищать права и законные интересы юридических и физических лиц, нарушенные актами, действиями, бездействием органов ТС и ЕЭП (прямая юрисдикция);

- рассмотрение запросов о толковании (косвенная юрисдикция). При этом толкование производится Судом и при рассмотрении конкретных дел, в том числе путем разъяснения судебных решений;

- разрешение иных споров. Например, к таким спорам проект союзного договора относит споры по вопросам публичной службы в органах Евразийского экономического союза.

Учитывая, что система наднациональной власти также характеризуется основополагающими элементами принципа разделения властей³, необходимо подчеркнуть особую роль Суда как органа, призванного устанавливать равновесие между властными органами наднационального объединения с целью опосредованной защиты прав субъектов экономической деятельности.

Известно, что генетической особенностью судебной власти является ее способность и возможность «оказывать влияние на решения и действия других властей, уравновешивать их»⁴. Именно способность судебной власти вести поиск баланса интересов, уравновешивания ценностей, лежащих в основе интеграции, и будет определять, на наш взгляд, эффективную деятельность Суда Сообщества, а в будущем — Суда Союза.

Таким образом, взаимосвязанное прочтение уставных документов Суда Сообщества позволяет выделить две основные функции этого наднационального органа, реализующиеся при разрешении конкретных споров: правотворческую, направленную на создание общих прецедентов (правовых позиций), развивающих, преобразовывающих нормативную базу интеграционного объединения, и правозащитную, нацеленную на защиту

³ Steiner J. and Woods L. EU Law. 10 ed. Oxford, 2009. P.43. Пункт 56 Заключения КЕСС № 1 (2001). О стандартах независимости судебных органов и несменяемости судей.

⁴ Основы конституционного строя России: 20 лет развития. М., 2013. С. 108.

прав и законных интересов хозяйствующих субъектов трех стран.

Первые решения: правовые позиции (прецеденты)

В связи с тем, что авторы учредительных договоров о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве предприняли меры к тому, чтобы межгосударственные споры в Суде возникали как можно реже, предусмотрев в пункте 2 статьи 25 Статута Суда, что спорящие стороны могут обратиться в суд лишь после предварительного разбирательства в органе исполнительной власти (КТС, ЕЭК), в Суде подобных споров еще не было.

По идее авторов документов Комиссия Таможенного союза (ранее — КТС, в настоящее время — ЕЭК) проводит административное расследование, по итогам которого выносится заключение. Лишь после этого заинтересованное государство вправе обратиться с иском в Суд. Нетрудно предположить, что в этих случаях в Суде будет оспариваться, в том числе и акт Комиссии — заключение по предварительному расследованию и, следовательно, в спорном правоотношении будут участвовать не только государства, но и наднациональный орган — Комиссия. Очевидно, что ЕЭК, уже в настоящее время считая подобное развитие ситуации вероятным, выработала Регламент работы ЕЭК, утвержденный решением Высшего Евразийского экономического совета от 18 ноября 2011 года № 1, в котором предусмотрела процедуру расследования для Сторон (Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация), начинающуюся с их обращения к Председателю Коллегии Евразийской экономической комиссии.

В то же время Статут (ст. 25) и Договор (ст. 4) предусматривают, что хозяйствующие субъекты, намеревающиеся оспаривать нормативные акты, первоначально также должны обращаться в ЕЭК. Однако в Регламенте ЕЭК подобное требование учредительных актов развития не получило.

В первом же заявлении ОАО «Угольная компания «Южный Кузбасс»» (группа компаний «Мечел») в Суд Сообщества указывалось, что реализовать положения статьи 25 Статута и статьи 4 Договора невозможно в связи с завершением работы КТС и неурегу-

лированностью данного вопроса в документах правопреемника — Евразийской экономической комиссии.

Коллегия Суда, обсудив вопрос о досудебном урегулировании спорных вопросов в порядке административной процедуры, пришла к выводу, что нормативное регулирование такой процедуры на момент обращения в Суд отсутствует и, следовательно, процедура не может быть осуществлена в отношении хозяйствующего субъекта. Имея в виду необходимость защиты нарушенных прав, заявление угольной компании к производству было принято, но вскоре приостановлено сроком на месяц с целью выработки ЕЭК нормативного регулирования и механизмов досудебного разрешения спорных вопросов в отношении хозяйствующих субъектов в целом и ОАО «Южный Кузбасс» в частности. Однако к моменту возобновления производства по делу развития правового регулирования Суд не обнаружил.

В такой ситуации необходимо было уравновесить равновесие между нормами обязательности досудебных средств защиты и нормами о необходимости защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов. Учитывая, что согласно статье 2 Статута Суд осуществляет свою деятельность на основе принципа равенства сторон, судебная коллегия посчитала, что данный принцип, прежде всего, должен пониматься как равенство перед судом. В этом смысле равенство выступает не только как формальное равенство, но и как фактическая возможность его обеспечения. В ситуации, когда одна из сторон не обеспечивает реализацию равенства, суд не должен усугублять ситуацию, бесконечно предоставляя возможность устранить нарушения, не добиваясь результата. Действительно, наднациональный орган не несёт обязанности отвечать за свои действия в суде, пока у него есть возможность оценить свои действия в своей системе. Таким образом, заявление, которое предположительно должно быть подано в суд, должно быть первоначально подано в Комиссию, согласно формальным условиям и срокам, содержащимся в Регламенте Комиссии. Нормы Регламента должны быть доступны заявителю.

Однако исчерпаны должны быть только те предварительные меры, которые доступны, ясны заявителю и достаточны для разре-

шения спора. Существование таких средств должно быть достаточным образом подтверждено документально и практически: ответчик должен доказать, что данные условия соблюдены; что документ существует, правило соблюдается, механизм работает и применяется к конкретному заявителю. Например, Комиссия провела расследование и предложила содействие, обремененное в форму письменного заключения.

В данном же деле Суд так и не получил уведомления о создании процедуры и механизма расследования споров в отношении хозяйствующих субъектов. ЕЭК уведомила Суд, что в отношении заявителя проведено заседание, о чем составлен протокол от 5 июля 2012 года.

В такой ситуации Суд посчитал, что отсутствие формальной процедуры привело к невозможности реализации статьи 4 Договора со стороны Комиссии и в такой ситуации требование от хозяйствующего субъекта к одностороннему соблюдению указанной статьи приведет к несоблюдению принципов, положенных в основу функционирования Суда, а также повлечет нарушение прав заявителя на эффективный досудебный способ разрешения разногласий и, в конечном итоге, на его фундаментальное право на доступ к правосудию.

Таким образом, уже в первом своем решении от 5 сентября 2012 года Суд сформулировал правило о том, что требование статьи 25 Статута и статьи 4 Договора о досудебных процедурах не могут являться абсолютными и не должны применяться автоматически, чтобы не были нарушены нормы более высокого уровня, принцип равенства сторон (ст. 2 Статута) и право заявителя на доступ к суду (ст. 6 ЕКПЧ⁵).

Дело № 1-7/1-2012; решение от 5 сентября 2012 года⁶

Позиция Суда: *Требование статьи 4 Договора о досудебной процедуре не абсолютное и не применяется автоматически.*

Во втором деле по заявлению ООО «ОНП» против ЕЭК Суду Сообщества пришлось вновь прибегнуть к толкованию права инте-

грационного объединения во взаимодействии с Европейской конвенцией о правах человека. Дело в том, что ООО «ОНП» к моменту обращения в Суд уже не осуществляло предпринимательскую деятельность, так как в мае 2012 года решением арбитражного суда Белгородской области было признано несостоятельным (банкротом) и в отношении данного ООО была введена процедура конкурсного производства, что, по мнению представителя Комиссии, не позволяло Коллегии Суда усмотреть наличие у заявителя прямого интереса в судебной защите своих прав. Иными словами, Комиссия посчитала, что ООО «ОНП» более не является хозяйствующим субъектом, так как не осуществляет на момент рассмотрения дела хозяйственной деятельности.

В отличие от первого дела в данном случае Суд истолковал нормы права достаточно формально, исходя из того, что согласно статье 1 Договора «хозяйствующий субъект» — лицо, зарегистрированное в качестве юридического лица или физического лица-предпринимателя в соответствии с законодательством государства — члена ТС. В таком контексте, несмотря на то, что юридическое лицо находится в процессе банкротства, оно не теряет возможности обращаться в международные судебные органы, поскольку до момента внесения соответствующей записи в реестр юридических лиц не перестало существовать как юридическое лицо и, следовательно, заявление ООО «ОНП», в отношении которого инициирована процедура конкурсного производства, подлежит судебному рассмотрению. Однако в решении Суда от 21 февраля 2013 года содержится ссылка на решение ЕСПЧ по аналогичному делу *Credit and Industrial Bank v. Czech Republic*, которая позволяет сделать вывод о том, что Суд в этом деле встал на расширительное толкование права на суд хозяйствующих субъектов аналогично тому, как это толкует Европейский суд, который в указанном случае защитил не только права, но и законные интересы юридических лиц-банкротов, постановив, что и после окончания ликвидационных процедур и последующего исключения из реестра интересы юридических лиц в судах могут быть

⁵ Суд ЕврАзЭС в этом деле учитывал и практику ЕСПЧ по этому вопросу: *Hentrich v. France* 22.09.94, *Cardat v. France* 19.03.91 и др.

⁶ Здесь и далее см.: URL: <http://www.sudevrazes.org>.

защищены их менеджерами (Генеральным директором в деле банка), а также акционерами этих компаний. В таком подходе присутствует логика защиты интереса тех компаний, которые планируют вернуться на профессиональный сегмент рынка, и у суда нет оснований полагать, что такой интерес не является законным.

Дело № 1-7/2-2012; решение от 21 февраля 2013 года

Позиция Суда: Юридическое лицо, прекратившее предпринимательскую деятельность, является хозяйствующим субъектом, чьи права и законные интересы подлежат защите в международном суде.

Таким образом, Суд, приняв оба заявления к рассмотрению, в своих первых делах истолковал процессуальные позиции, нечетко или неполно урегулированные нормами права интеграционного Сообщества, в пользу юридических лиц с целью обеспечения их прав и законных интересов в международном суде.

При рассмотрении же этих споров судьи столкнулись с тем, что уже неоднократно отмечалось в международно-правовой литературе как основная проблема действия международно-правовой нормы: различное понимание ее содержания в государствах-членах и органах Сообщества. Так, профессор Шермерс еще в конце прошлого века писал, что «в связи с тем, что содержание юридических понятий неизбежно отличается от одного государства к другому... Это означает, что детали договоров будут по-разному применяться в различных государствах»⁷. Далее Шермерс указывает на то, что даже Суд Европейского союза (в Люксембурге — Т.Н.) вынужден устранять разночтения договоров ЕС, ибо юридические понятия, используемые в них, «различаются в каждом государстве». Учитывая эту тенденцию, профессор Лукашук И. И. утверждал, что «каждое государство имеет свое международное право»⁸.

Вряд ли такое мнение оправдано теоретически: международное право может быть

только общим, различаются лишь уровни общности: универсальное, региональное, двустороннее, однако эта позиция отражает практическое состояние международного правоприменения в целом и интеграционных формул в частности. Так, в первых делах Суда пришлось рассматривать понятия, использованные в договорах, но затем искаженные в актах Комиссии путем применения дефиниций, предложенных государствами-членами. При этом у Суда отсутствовали какие-либо мотивы для предположения об умышленном искажении целей интеграционных договоров, скорее, вопрос заключался в разночтении понятий, применяемых в названных документах.

Так, в деле «Южный Кузбасс» против КТС оспаривался пункт 1 Решения КТС от 17 августа 2010 года № 335 «О проблемных вопросах, связанных с функционированием единой таможенной территории и практике реализации механизмов Таможенного союза» (далее — Решение 335) в связи с его противоречием Договору о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 года (далее — Договор о ТС).

Пункт 1 Решения 335 установил сохранение таможенного декларирования по определенной группе товаров «для целей ведения статистики», в то время как Договор о ТС и принятые в его развитие международно-правовые акты отменили с 1 июля 2011 года таможенное оформление товаров, происходящих из РБ, РК и РФ.

Таким образом, в международных актах использовались различные понятия. Договор о ТС отменял все виды оформления товаров и не содержал исключений ни для каких целей, в то время как акт КТС сохранял декларирование ради благой цели «ведения статистики». При этом в международном акте — Решении 335 заполнение документа никак не связывалось с понятием таможенного оформления. Однако эти понятия связывались в национальном праве, что реализовывалось через правовую дефиницию «таможенная декларация». Более того, неоформление таможенной декларации рас-

⁷ Schermers H. The Effect of Treaties. Domestic Law L. 1987. P. 120.

⁸ Лукашук И. И. Международное право в судах государств. С.-Петербург, 1997. С. 104.

ценивалось как административное правонарушение, влекущее административную ответственность в виде штрафных санкций, которые фактически и были применены к хозяйствующему субъекту.

В конечном итоге Суд признал пункт 1 Решения 335 не соответствующим международному Договору о создании ТС, а также иным международным договорам, действующим в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Дело № 1-7/1-2012; решение от 5 сентября 2013 года

Позиция Суда: Решение органа не отвечает международным договорам о создании ТС, если использует понятия договора в ином смысле, носит обязательный характер и применяется таможенными органами во взаимосвязи с административным законодательством государств — членов ТС.

Подход, применённый Судом в первом деле и поставивший понятия международного договора приоритетными для толкования по сравнению с понятиями, использованными в решении интеграционного органа, получил развитие в весьма усложненном варианте во втором судебном разбирательстве.

Имея в виду, что первый прецедент касался международных актов регионального уровня, что позволяло сравнивать документы интеграционного сообщества, объединенного едиными целями и задачами, в новом деле Суду предстояло решить проблему соотношения региональных и универсальных международно-правовых актов, а также затронуть вопрос об их прямом воздействии на права национальных юридических лиц (самоисполнимые договоры).

Общество с ограниченной ответственностью «ОНП» заявило, что решение КТС от 18 октября 2011 года № 819 (*далее* — Решение 819) «О классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза транспортных средств МТЛБ, МТПЛБ, ТГМ» противоречит правилам 1 и 6 Основных правил интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, введенных в действие Соглашением о едином таможенном регулировании от 25 января 2008 года (*далее* — Договор).

В данном деле никаких проблем в использовании понятий Решения 819 и Договора не возникло, но чтобы уточнить эти понятия, Суду было необходимо обратиться к универсальной Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (*далее* — Конвенция), к которой присоединились все страны-участники в разное время еще до создания Таможенного союза. Возник закономерный вопрос о том, можно ли считать такую конвенцию соглашением Таможенного союза? Суд ответил положительно, указав, что согласно пункту 1 статьи 51 Таможенного кодекса Таможенного союза (*далее* — ТК ТС), статье 2 Соглашения Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности основывается на Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации.

Исходя из положений статьи 51 ТК ТС, статьи 2 Соглашения, статуса Конвенции по отношению к государствам — участникам Таможенного союза, Суд полагает, что Конвенция является составной частью законодательства государств — членов Таможенного союза и выступает в качестве международного договора, регулирующего таможенные правоотношения в Таможенном союзе.

Учитывая изложенное и принимая во внимание принцип международного права обязательности договоров и добросовестности их исполнения, положения Конвенции являются для Таможенного союза обязательными и подлежат исполнению.

Имея в виду, что согласно статье 3 Конвенции Таможенный союз обязан использовать все товарные позиции и субпозиции, цифровые коды без каких-либо дополнений и изменений, применять основные правила интерпретации, не допускать изменения содержания разделов, групп, товарных позиций или субпозиций, а также соблюдать порядок кодирования, принятый в Гармонизированной системе, Суд признал, что Решение 819 названным правилам и порядку не соответствует. Однако эта позиция повлекла необходимость разрешения вопроса о том, является ли Договор о гармонизированной системе самоисполнимым, порождает ли он права и обязанности для юридических лиц.

В законодательстве и судебной практике многих государств сложились основные ус-

ловия применения таких договоров, признания прежде всего, универсальных международных договоров самоисполняющимися:

1) договор должным образом заключен государством и имеет для него обязательную силу;

2) его постановления пригодны для прямого применения по отношению к физическим и юридическим лицам;

3) международный договор опубликован (доведен до всеобщего сведения) в установленном порядке.

Первое и третье условие прямого применения Договора о Гармонизированной системе были выполнены, о чем Суд отметил в своем решении, указав даты вступления акта в силу и доведения до всеобщего сведения в государствах-членах. Однако надлежало выяснить вопрос о правах и обязанностях предпринимателей согласно данному международному акту⁹.

Суд установил, что для однозначного отнесения товаров к той или иной товарной позиции группа 87 раздела XVII Гармонизированной системы построена по принципу функционального предназначения товара, и что определяющим критерием при классификации товара в данном разделе является его основное функциональное предназначение. При этом хозяйствующий субъект при декларировании товаров наделяется правом самостоятельно определять классификационный код по ТН ВЭД ТС. Иными словами, права и обязанности предпринимателя вытекают из договора и принятых на его основе актов ТС. Таким образом, второе условие применения универсального договора в этом деле также нашло свое подтверждение.

Исходя из изложенного, Суд включил Соглашение о Гармонизированной системе в правовую основу ТС.

Дело № 1-7/2-2012; решение от 15 ноября 2012 года

Позиция Суда: Соглашение о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации является договором прямого

действия (самоисполнимым), регулирующим таможенные отношения хозяйствующих субъектов в Таможенном союзе.

Выбор пути: единообразие и защита прав

О судебном толковании международно-правовых норм написано немало работ¹⁰, в которых подчеркивается, что судебное толкование таких норм наиболее близко к правотворчеству¹¹. С этим мнением трудно не согласиться. Международно-правовые акты регулируют общественные отношения весьма кратко, неполно, с использованием разноязычных дефиниций, что приводит к развитию весьма неожиданных проблем в реальных правоотношениях. По этой причине толкование международных судов традиционно имеет большое значение для применения международных договоров и обычаев. Не являются исключением в этом смысле Статут и Договор, регламентирующие деятельность Суда ЕврАзЭС. Так, эти документы содержат нормы о том, что «Суд принимает решения и предписывает меры» (ст. 25 Договора), но не содержит положений ни о характере этих мер, ни о сроках их вступления в силу¹². Очевидно, что закрывать подобные лакуны Суду придется самостоятельно с использованием многовекового опыта судебного толкования, состоящего из ряда общеизвестных правил:

1) Международная норма, как и её толкование, не может быть бессмысленной или бесцельной (*Lex est dictamen rationis*).

2) Толкование должно сделать норму действующей, но не мертвой (*Interpretatio fienda est ut res magis valeat quam pereat*).

3) Толкование не должно вести к нарушению прав (*Construction legis non facit injuriam*).

4) Толкование должно быть системным (*Concordare legis legibus est optimus interpretandi*).

В третьем своем деле Суду представилась возможность все эти правила применить, рассмотрев в открытом судебном заседании

⁹ Peter van den Bosschen. The Law and Policy of the World Trade Organisation. 2 ed. Cambridge. P.32, 815.

¹⁰ Перетерский И. С. Толкование международных договоров. М., 1959. Лихачев В. Н. Установление пробелов в современном международном праве. Казань, 1989. McDougal M. et al. The Interpretation of Agreements and World Public Order. N.-Claven, 1967.

¹¹ Лукашук И. И. Указ. соч. С. 155.

¹² Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М., 2010.

заявления открытого акционерного общества «Угольная компания “Южный Кузбасс”» о разъяснении и исполнении решения Коллегии Суда Евразийского экономического сообщества от 5 сентября 2012 года.

Дело в том, что в решении Комиссии от 22 января 2013 года № 7, принятом во исполнение Решения Суда, абзац четвертый пункта 1 Решения Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 335 «О проблемных вопросах, связанных с функционированием единой таможенной территории, и практике реализации механизмов Таможенного союза» исключен. В том же решении указано о вступлении в силу по истечении 30 календарных дней с даты его официального опубликования. По мнению заявителя, отсутствие в решении указания, с какого момента следует считать отмененным пункт 1 Решения 335 способствовало ненадлежащему исполнению решения Суда со стороны Комиссии, нарушению прав и законных интересов заявителя в сфере экономической деятельности, предоставленных международными договорами, заключенными в рамках Таможенного союза, а также препятствует реализации процессуальных прав, связанных с оспариванием заявителем судебных постановлений, вынесенных арбитражными судами Российской Федерации по спорам, касающимся таможенного декларирования товаров, перемещаемых внутри территории Таможенного союза. Иными словами, компания просила уточнить, с какой даты Суд отменил решение КТС.

Выше уже указывалось, что уставные документы Суда оставили вопрос о сроках отмены нормативных актов и мерах, связанных с такой отменой, на усмотрение Суда. Таким образом, Суду, прежде всего, необходимо было решить вопрос о том, в какой процедуре следует рассматривать такое заявление. Учитывая, что статья 13 Статута предусматривает возможность толкования по конкретным делам, и пункт 7 статьи 10 Договора позволяет давать сторонам спора разъяснения, Суд признал, что в ходатайствах ставится вопрос о толковании Статута и Договора в части полномочий Суда по срокам отмены

нормативных актов (1) и по мерам, применяемым в связи с такой отменой (2), и ходатайства следует рассматривать Большой коллегией, разрешающей проблемы системного толкования правоустанавливающих документов (правило 4). Учитывая статью 7 Регламента Суда ЕврАзЭС по рассмотрению обращений хозяйствующих субъектов, Суд постановил назначить судью-докладчика по делу о толковании.

Согласно пункту 1 статьи 11 Договора от 9 декабря 2010 года об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним (*далее* – Договор от 9 декабря 2010 года) по результатам рассмотрения дел об оспаривании актов Комиссии Таможенного союза или их отдельных положений Суд принимает одно из решений:

1) о признании оспариваемого акта или его отдельных положений соответствующими международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза;

2) о признании оспариваемого акта или его отдельных положений не соответствующими международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза;

Следует признать, что такие формулировки без их дальнейшего юридического оформления носят юридически незаконченный характер и способны сделать работу Суда бессмысленной и бесцельной, не направленной на защиту прав. Следовательно, задачей Суда в этом случае является необходимость уточнения смысла договоров в целях защиты прав (правила 1 и 3).

В то же время формулировка названной статьи о признании акта не соответствующим международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза, содержит положение о противоречии подобного акта другому нормативному акту, имеющему большую юридическую силу (международному договору). Отмена такого акта всегда влечет процедуру установления срока отмены акта¹³ и, согласно статье 25 Статута, применение мер, установленных Судом. Такими мерами, согласно общим правилам, могли быть юридическое признание оспариваемого акта **не-**

¹³ См.: статью 22 Кодекса РБ о судостроительстве и статусе судей, статью 283 ГПК РК и статью 195 АПК РФ, статью 79 Закона «О Конституционном Суде РФ».

действующим (утратившим силу с момента издания) или **недействительным** (утратившим силу с момента вынесения судебного акта или иного указанного судом момента времени), что предполагает определение последствий действия судебного решения во времени, в пространстве и по кругу лиц (правило 1 и 2).

Иными словами, вынесенное по итогам рассмотрения дела решение, которым оспариваемый акт ЕЭК или КТС либо его отдельные положения признаются не соответствующими международным договорам, заключенным в рамках ТС, действует непосредственно, поскольку эти положения считаются отмененными, то есть недействующими, с момента принятия оспоренного акта.

В таком контексте решение Суда не требует подтверждения другими органами или должностными лицами, а исполнение предписаний Суда не может ставиться в зависимость от усмотрения каких-либо должностных лиц. Решение Суда ЕвразЭС самодостаточно (самоисполнимо), вступает в силу согласно положениям Договора и подлежит неукоснительному исполнению, окончательно и обязательно (ст. 22 Статута).

Решение Суда действует применительно не только к лицам, участвующим в деле, но и к неограниченному кругу лиц (*erga omnes*), что влечет возможность пересмотра в соответствующей процедуре судебных актов национальных судов, в которых нормы оспариваемого акта КТС или ЕЭК применены в значении, отличном от толкования Суда ЕвразЭС (правило 3).

При вынесении Судом решения о несоответствии Решения КТС или ЕЭК или их отдельных положений международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза (пп. 2 п. 1 ст. 11 Договора от 9 декабря 2010 года), Суд ЕвразЭС, руководствуясь пунктом 1 статьи 25 Статута, указывает меры для исполнения своего решения, а именно дату, с которой оспариваемый акт или его отдельные положения признаются не соответствующими договорным нормам. При указании даты, с которой оспариваемый акт или его отдельные положения признаются не соответствующими договорным нормам, акт признается не соответствующим договорным нормам с указанной даты. В случае неуказания даты, с которой оспариваемый акт или

его отдельные положения признаются не соответствующими договорным нормам, оспариваемый акт или его отдельные положения признаются недействующими с момента их принятия (*ab initio*).

Учитывая, что вследствие реализации государствами — членами ТС и ЕЭП положений конкретного решения КТС или ЕЭК возможно наступление как правовых, так и неправовых последствий, Суд, руководствуясь принципом правовой определенности, вправе указать в своем решении, какие из последствий следует сохранить после вынесения Судом соответствующего решения.

В целях реализации положения пункта 1 статьи 25 Статута об указании мер по исполнению решений Суда, а также международно-правового принципа *restitution in integrum* о полном возмещении вреда, Суд вправе указывать меры общего и индивидуального характера для целей неповторения в дальнейшем нарушения прав неопределенного круга лиц, а также для восстановления нарушенных прав конкретного заявителя. В частности, при указании мер общего характера Суд вправе указать, что ЕЭК следует оставить в силе оспариваемый нормативный акт или принять новый акт на основании позиции, закрепленной в решении Суда, и, в свою очередь, государству — члену ТС и ЕЭП предпринять действия общего характера с целью защиты нарушенных прав заявителя.

При этом ЕЭК, согласно пункту 2 статьи 11 Договора от 9 декабря 2010 года, вправе самостоятельно избирать меры общего и индивидуального характера, которые наилучшим образом служат реализации принципа *restitution in integrum* (полного возмещения вреда) в целях приведения акта в соответствие с международными договорами, заключенными в рамках ТС. Срок для реализации мер по восстановлению прав для ЕЭК ограничен пунктом 1 статьи 12 Статута Суда и составляет 60 календарных дней.

Иными словами, ЕЭК вправе принять любое решение во исполнение судебного акта, однако такой документ ЕЭК не должен искажать смысл решения, его правозащитную функцию и осложнять положение хозяйствующих субъектов и без того пострадавших от действия отмененного акта. Иной подход делает работу Суда бессмысленной, а судебные решения — мертвыми.

ЕЭК после судебного акта вправе сделать предписание государствам-членам, а государства обязаны исполнять соответствующие предписания о выполнении мер общего или индивидуального характера в разумный срок, но не нарушая правила национального законодательства.

В настоящем деле Суд в решении Коллегии от 5 сентября 2012 года и решении Апелляционной палаты от 29 ноября 2012 года не указал дату, с которой пункт 1 Решения Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 335 «О проблемных вопросах, связанных с функционированием единой таможенной территории, и практике реализации механизмов Таможенного союза» признается не соответствующим международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза, однако данное обстоятельство должно расцениваться исключительно как признание указанного пункта не соответствующим международным договорам в рамках ТС **с момента его принятия**, а не с какой-либо другой даты.

В решении Коллегии от 5 сентября 2012 года и решении Апелляционной палаты от 29 ноября 2012 года не были также указаны меры общего характера в целях восстановления нарушенных прав. Следовательно, исходя из существа рассматриваемого дела, Суд счел, что предписание мер общего характера в ЕЭК не требуется, полагая, что Комиссия самостоятельно определит эти меры на основе статьи 12 Договора от 9 декабря 2010 года.

В другом деле был использован иной подход в отношении решения Комиссии. В решении от 21 февраля 2013 года Суд прямо указал, что Решение 819 отменяется (признается недействующим) с даты его принятия, учитывая, что косвенно названное решение послужило основанием для отзыва лицензии и банкротства предприятия. Однако в этом же решении Суд указал, что Решение 819 признано недействующим как несоответствующее Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июля 1983 года не в связи с ошибочностью его принятия, но лишь в той мере, в какой оно, вопреки требованиям ясности, определенности и недвусмысленности правового регулирования, вытекающих из общих принципов международного права и международных договоров, заклю-

ченных в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, нормативно не закрепило четкие критерии, обеспечивающие возможность однозначной классификации демилитаризованных гусеничных транспортеров-тягачей в определенной товарной позиции (в том числе в зависимости от уровня их демилитаризации, характера модернизации (модификации) по состоянию на момент их ввоза на таможенную территорию Таможенного союза), что исключило бы в правоприменительной практике возможность возложения на хозяйствующих субъектов дополнительных обязательств и санкций за их неисполнение. Иными словами, неопределенность правового регулирования привела к ошибочной правоприменительной практике, что и привело к нарушению прав заявителей. Следовательно, меры, принимаемые Комиссией в этом случае, могут быть иными: принятие нового решения.

Имея в виду, что Комиссия вправе регламентировать классификацию товаров, Суд указал на то, что критерии (меры в смысле ст. 25 Статута), которые Комиссия должна учитывать при создании подобного документа во избежание расширительной, действующей с обратной силой, правоприменительной практики в отношении названного акта Комиссии применительно к хозяйствующим субъектам стран — членов ТС. Следовательно, согласно статье 11 Договора от 9 декабря 2010 года, ЕЭК вправе принимать решения во исполнение судебного акта лишь в том контексте, который указан Судом, и не искажая смысл судебного решения.

Постановление от 8 апреля 2013 года

Позиция Суда: Суд признает решение КТС и ЕЭК недействующими с момента принятия или недействительными с определенной даты.

О запросе

У Суда ЕвразЭС есть еще одна функция: следить за тем, чтобы наднациональное регулирование не нарушалось национальными властями. Следовательно, Суд должен следить за тем, чтобы нормы, принятые в рамках ТС, единообразно применялись в государствах-членах. Уполномоченные органы национальных государств вправе направлять Суду преюдициальные запросы.

Что такое преюдициальный запрос?

Когда предприниматель или ЕЭК, или любое государство, или любой высший суд (конституционный, верховный, высший арбитражный) видит, что между тремя нормами — универсальной, региональной и нижестоящими международными актами (акты ЕЭК, правительств стран ТС) или национальными правовыми актами есть противоречия, орган может обратиться в Суд Сообщества с просьбой разъяснить, какая норма имеет приоритет и как применять данную норму. Это и есть преюдициальный запрос. Ответ Суда, который должен выстроить иерархию норм и дать толкование, не носит обязательного характера, но задает направление. И национальные суды, и ЕЭК не могут отклонить рекомендацию Суда ЕвразЭС. Такая процедура действует и в Европейском союзе. Рекомендации люксембургского суда не отклоняются, поскольку если будет вынесено решение не в той рекомендации, которую дал Суд Европейского союза, а Суд затем это зафиксирует в своем обязательном решении и обяжет государство уплатить штрафные санкции, последнее затем обращается с регрессным иском к чиновнику или судье, который не прислушался к такой рекомендации. Поэтому 95 % дел рассматриваются сегодня Судом Европейского союза именно в рамках преюдициального запроса, то есть запроса о том, как не нарушить общие правила, не исказить цели интеграции.

В соответствии с Договором от 9 декабря 2010 года, все заинтересованные лица имеют право обратиться в Суд ЕвразЭС с преюдициальным запросом за толкованием норм международного права (п. 2 ст. 3), а высшие суды государств — участников договора, ес-

ли они принимают решения, вступающие в обязательную силу, обязаны это сделать (п. 3 ст. 3).

В настоящее время в Суд ЕвразЭС поступил только один преюдициальный запрос — от ЕЭК по антимонопольному законодательству, который был отклонен по процессуальным мотивам. Однако за запросами будущее.

Суд ЕвразЭС рассмотрел уже два дела по заявлению хозяйствующих субъектов. При этом компания, которая выиграла дело в Суде ЕвразЭС, обратится в национальный суд за взысканием ущерба из бюджета государства ТС. Полагаю, что такие иски будут удовлетворяться. В некоторых случаях ущерб возникает из-за действий (бездействия) международной бюрократии. Соответственно, наднациональные органы также должны иметь фонд для возмещения ущерба. Кроме того, мы должны иметь в виду опыт люксембургского суда. Полное возмещение ущерба — непременно для бюджета любой страны, поэтому у Суда должно быть право компенсировать ущерб хозяйствующему субъекту частично, с учетом всех обстоятельств дела. В действующих актах о Суде эти вопросы не решены. Нужно найти форму, в которой физические и юридические лица, пострадавшие от действий национальных и наднациональных органов, будут получать возмещение в будущем. Решающая форма для решения таких вопросов — установления судебных актов Суда ЕвразЭС.

Постановление от 8 апреля 2013 года

Позиция Суда: Судам государств — членов ТС привести правоприменительную практику в соответствии с настоящим постановлением.